

Невыгодная культура? Отнюдь – прибыльное дело

Почему хозяйства приучили отмахиваться ото льна? Кто позволяет «захватывать» поля целевого назначения? Пассивна ли роль облисполкомов в доведении заданий по посевам? Как клюют на наживку о преимуществе иностранных сортов? Где искать механизаторов на месяц работы в году?

По этим и некоторым другим проблемам «Спор-плуг» впряглись: директор РУП «Институт льна» НПЦ НАН по земледелию Иван Голуб и директор ОАО «Дубровенский льнозавод» Анатолий Босенков

Голуб: — Одна из проблем льноводства в том, что основную тяжесть выращивания долгунца переложили на перерабатывающие предприятия. Льнозаводы сеют три четверти площадей. Считаю: пришла пора половину передать хозяйствам. Но сельхозпредприятия не хотят этим заниматься, считая лен невыгодной культурой.

Босенков: — Готов поспорить. Лен стал для хозяйств прибыльным делом. Например, ОАО «Якубово-Агро» Дубровенского района в прошлом году посеяло 140 гектаров. От реализации получен 1 миллиард 155 миллионов выручки, 481 миллион надбавок и 236 миллионов чистой прибыли. Это стало возможным благодаря тому, что государство ввело надбавку к закупочной цене от 735 тысяч рублей до 1300 тысяч за каждую тонну тресты. Некоторые хозяйства, пока не сеющие лен, выразили желание заняться им в следующем году.

Но при этом не стоит идти по пути, выбранному отдельными районами, где каждому хозяйству пробуют навязать по 50 гектаров льна. Надо выбрать сельхозпредприятия с пригодными для культуры землями, отвести не менее 150—200 гектаров и оснастить необходимыми машинами. За несколько последних лет льнозаводы их получили значительное количество, настала пора подумать о хозяйствах. Преимущество подобного подхода в том, что у сельхозпредприятий лучшая ситуация с механизаторскими кадрами. Это положительно отразится на темпах уборки.

Голуб: — Если хозяйства возьмут на себя половину посевов, можно будет улучшить качество тресты, убрать в оптимальные сроки. Заводы не успевают при такой нагрузке.

Босенков: — Надо поднять лен не позднее 20 сентября. Иногда у нас на 1 октября оставалось лишь 10 процентов льна на полях. Но из-за непогоды приходилось убирать чуть ли не месяц.

Голуб: — В отрасли остро стоит вопрос соблюдения севооборота. Лен, согласно биологии, может прийти на поле повторно лишь на седьмой год. У заводов земли нет, она арендуется у хозяйств. Но у сельхозпредприятий свои задачи, в которые нередко эта схема не вписывается. Лен не любит щелочных почв и избытка кальция. Это блокирует поступление цинка в растения, которого на наших полях и так мало. В результате вырастает лен с низким содержанием волокна. Эта культура любит слабокислую почву, что вступает в противоречие с массово проводимым сейчас известкованием полей.

Райисполкомами утверждены посевные площади на пять лет. В это время на них не должно проводиться известкование. И прогресс в этом вопросе есть. Но бывают случаи, когда хозяйства нарушают договоренности, занимают поля, ранее

предназначенные под лен, по своему усмотрению. И под долгунец идут земли, на которых трудно получить хороший урожай ни по количеству, ни по качеству.

Босенков: — Директорам льнозаводов надо дать право вместе с главными агрономами и агрохимиками управлений сельского хозяйства райисполкомов контролировать соблюдение льняных севооборотов и привлекать к ответственности нарушителей, чтобы известкование конкретных полей шло только с их разрешения. Например, у нас в районе 40 тысяч гектаров пашни, 2,5 тысячи — льна. Поскольку долгунец может приходить на то же поле только через 7 лет, то в течение этого времени доломит нельзя вносить на 17,5 тысячи гектаров.

Голуб: — Этот вопрос тесно связан с увеличением площадей под лен у сельхозпредприятий. Если они будут сами сеять долгунец, а не только выделять поля для аренды, то станут жестче контролировать внесение извести.

Босенков: — Еще одна проблема связана с тем, что в стране уменьшается количество льнозаводов. Если такое предприятие закрывается, в районе часто прекращают сеять лен. В итоге требуют увеличения его площадей там, где есть заводы. Нам, например, предлагали нарастить площади под долгунец еще на 500 гектаров.

Голуб: — Но закрытия заводов требует жизнь. Оставшиеся модернизируются. Всю тресту можно перерабатывать меньшим количеством предприятий.

Босенков: — Тогда пусть облисполкомы доводят районам задания на выращивание льна. Если увеличивать посеы заводам, они не успеют в срок проводить все технологические операции, что в худшую сторону отражается на количестве и качестве тресты.

Голуб: — Хочу затронуть вопрос внесения азота под лен. Его можно сравнить с лекарством: оно полезно, но в допустимых дозах, а в чрезмерных может быть смертельным. Азот надо вносить в зависимости от состава почв и плодородия: на связных землях достаточно 15—30 килограммов на гектар действующего вещества, на легких — иногда и 45. На плодородных землях азотные удобрения вообще не нужны во избежание полегания льна.

Босенков: — Не должно быть жестких норм. Надо сначала изучить количество азота на конкретном поле, а затем считать, сколько вносить. Часто это не делается, удобрения вносятся на глазок. В итоге лен полегает, теряется урожай. Мы, например, на одних полях азот вообще не вносим, а на других — 20 килограммов. Надо еще учитывать, что есть сорта с различной устойчивостью к полеганию.

Голуб: — У каждого предприятия должна быть сортовая структура: 20—25 процентов — ранних, половина — среднеспелых, остальные — поздние. Тогда можно вовремя провести все технологические операции, в том числе уборку в оптимальные сроки, сохранить качество тресты.

Босенков: — Мы и сеем четверть полей белорусскими ранними сортами. Остальные — импортными. Такая практика себя оправдывает.

Голуб: — Позвольте не согласиться. С тех пор как в страну начали завозить импортные семена, урожайность этой культуры не выросла. Не стали получать больше длинного волокна из выращенной тресты. И самое главное — нет улучшения качества льноволокна.

Босенков: — У импортного семени больше вес, а это значит, выше энергия прорастания, больше площадь листовой поверхности, и поэтому есть возможность больше получать солнечной энергии, что приводит, в конце концов, к увеличению урожайности.

Василий Гедройц. Невыгодная культура? Отнюдь — прибыльное дело.

Голуб: — Сторонники зарубежных сортов приводят такие цифры: тысяча импортных семян весит 5 граммов, а наших — 4 грамма. Непосвященный человек может клюнуть на эту наживку. Иностранные сорта, выращенные в условиях Беларуси, имеют примерно такую же массу 1000 семян, как и наши, но речь идет об отобранных, лучших. За рубежом есть машины, которые калибровку делают на более высоком уровне.

Из этого можно сделать вывод, что и льнозаводы, и льносеющие хозяйства не хотят утруждать себя сортировкой семян. Им подавай сразу отличные. Но не следует забывать: за них надо платить валютой, избытком которой мы похвастаться не можем. Поэтому не следует искать легких путей, а делать ставку на импортозамещение. Это, кстати, один из приоритетов государственной экономической политики.

Надо не отмахиваться от отечественных сортов в угоду зарубежным, а думать над совершенствованием машин для подготовки семенного материала. Вот куда должны в первую очередь направить свои взоры те, кто выращивает эту культуру.

Как показывает опыт Института льна, хорошие семена можно получать даже на старых «Петкусах». Надо только правильно отрегулировать машины. Это дешевле, чем завозить из-за рубежа. Но проблема в том, что только 10 процентов семян льнозаводы готовят сами. Львиную долю сдают на льносемянстанции для доведения до нужных кондиций.

Босенков: — А техническое состояние льносемянстанций осталось на уровне 30-летней давности. Государство помогло льнозаводам. Настала пора подумать о поддержке льносемянстанций, позаботиться о приобретении современной техники. Затраты в любом случае окупятся более высоким урожаем.

Голуб: — В нашем институте выведен новый среднеспелый сорт «грант», который не только не уступает зарубежным, но и превосходит их по урожайности и качеству волокна. Следует иметь в виду, что из-за рубежа завозятся сорта второй-третьей репродукции, они на следующий год на семена не годятся. Нужен опять импорт. Институт же поставляет оригинальные семена для дальнейшего размножения — до суперэлиты. Не стоит забывать, что зарубежные сорта значительно дороже и за них надо платить валютой.

Босенков: — Но «грант» появился только сейчас. Мы его с удовольствием купили, что позволит довести количество белорусских семян до половины, а в дальнейшем еще больше.

Голуб: — Если сеять только отличными семенами, можно не получить ожидаемого урожая из-за несоблюдения технологии. Например, тресту необходимо оборачивать два раза. Но не все заводы успевают это сделать даже один.

Босенков: — Проблема в том, что процесс уборки льна длится примерно месяц. Льнозаводы не могут позволить роскошь держать в штате 10—15 механизаторов для этой цели. Куда их девать 11 месяцев в году? Пробуем решить вопрос с помощью студентов-практикантов, но их тоже не хватает, к тому же нужна соответствующая квалификация, чтобы выполнять непростую работу.

Голуб: — Надо искать и другие пути решения вопроса.

Босенков: — Процесс оборачивания становится особенно значимым по мере роста урожайности льна. Но практика показывает: чем она выше, тем хуже качество тресты. Поэтому, считаю, что к 20 центнерам волокна с гектара в условиях Витебской области стремиться не надо. При такой цифре лента тресты на поле получается слишком толстой, даже оборачивание не позволяет ей хорошо вылежаться.

Максимальная урожайность, на мой взгляд, должна быть на уровне 4—5 тонн тресты с гектара.

Голуб: — Не согласен. Надо стремиться к максимальной урожайности. Качество будет, если всю тресту дважды обернуть. Не надо также забывать, что жизнь не стоит на месте. Прорабатываются технологии обработки и толстой ленты тресты химическими веществами или микроорганизмами, которые обеспечат ее качественную вылежку.

Качество волокна зависит от условий хранения тресты. Сегодня по всей стране навесы могут вместить лишь 50 тысяч тонн тресты, а производим более 150 тысяч тонн в год. Это значит, что две трети сырья хранится в скирдах под открытым небом, попадает под дождь и снег. Разве можно в этой ситуации получать хорошее волокно?

Босенков: — Две трети тресты у нас под навесами. На новые нет денег. Для остального сырья используем брезент. Получается надежное укрытие.

Голуб: Нет, оно ненадежное. Надо стремиться с помощью государства, если нет своих денег, обзаводиться хранилищами. Это окупится за счет улучшения качества тресты.